Текст · 15 декабря 2025, 10:12
Сергей Голубев,

# «На стене прогулочного дворика СИЗО кто-то написал: быть добру». Последнее слово Григория Мельконьянца в апелляции

Тройка судей Мосгорсуда — Дмитрий Пронякин, Евгения Демина и Лариса Мартынова — оставила в силе приговор сопредседателю движения наблюдателей «Голос» Григорию Мельконьянцу. В мае его приговорили к 5 годам колонии по статье о работе «нежелательной» неправительственной организации[1].

«Медиазона» публикует последнее слово Мельконьянца на сегодняшнем заседании по апелляции, в котором он разбирает ошибки в приговоре и рассказывает о том, что понял за два года в тюрьме.

1. Часть 3 статьи 284.1 УК.

Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, дорогие друзья!

Второй раз я выступаю с последним словом и, возможно, — из-за запретов[1] в приговоре — это

моя последняя возможность до 2036 года публично поделиться своими мыслями.

Майское последнее слово было о фабрикации уголовного дела, о моем отношении к жизни, о радости и о выборе, который делает человек в каждый момент своей жизни. Сегодня же мы обжалуем

приговор, поэтому не могу не поделиться своими впечатлениями от погружения в уголовный процесс, размышлениями о силе прав человека и силе добра.

Я люблю людей, верю в людей и надеюсь, что люди осознают всю грандиозность тяжести последствий лишения человека свободы. Дегустация тюрьмы небольшим сроком иногда может быть полезной, но длительный срок заключения приводит к подрыву здоровья, нарушению социальных связей и, что немаловажно, приводит к потере страха перед тюрьмой. Поэтому 60% вышедших на свободу вновь попадают за решетку.

Но есть и другая статистика. Повторные преступления совершаются в четыре раза реже при назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества.

Однако у меня сложилось впечатление о довольно легкомысленном отношении прокуратуры и суда к наказанию.

Сначала гособвинитель запросил шесть лет лишения свободы из шести максимально возможных и десять из десяти лет запрета общественно-политической деятельности, а затем судья назначил наказание практически по верхнему пределу. Это значит, что для пущей убедительности приговора отсутствие самого события преступления суд компенсировал суровостью наказания. Такое решение демонстрирует не силу правосудия — оно демонстрирует судебную ошибку, на которую суд не имеет права. На частые судебные ошибки указывает и официальная статистика, согласно которой

апелляционная инстанция отменяет или изменяет 20% обжалуемых приговоров, а затем кассационная инстанция — еще 11%. Ошибочные приговоры генерируют и длительные сроки заключения.

В январе мне должно исполниться 45 лет, и это значит, что предстоит последняя по возрасту замена паспорта. Со временем начинаешь лучше понимать проживших долгую жизнь людей, которые говорят, что жизнь скоротечна — не успеешь оглянуться, как она пролетит. Начинаешь ценить каждый год, каждый день, каждую секунду жизни.

Третий год я провожу в ожидании правосудия и освобождения в следственных изоляторах от Москвы до поселка Лыаель на Крайнем Севере, за 1 600 км от моих защитников и близких. Это позволило оказаться в уникальных условиях технологической консервации: письма пишу шариковой ручкой, а когда заканчиваются чернила, то карандашом; новости узнаю из газет; не пользуюсь часами, интернетом, искусственным интеллектом, изредка звоню по таксофону вместо мобильного телефона, а документы читаю в бумажном виде.

Возможно, технологической консервацией объясняется и то, что мой главный документ — полный текст приговора с описательно-мотивировочной частью, где содержится обоснование приговора, — мне вручили с грубым нарушением только спустя пять месяцев после оглашения его резолютивной части. Закон обязывает сделать это в пятидневный срок, и этот срок является окончательным и продлению не подлежит. Поэтому у меня есть большие сомнения,

что приговор был написан полностью на момент оглашения его резолютивной части.

После прочтения полного текста приговора я испытал смешанные чувства. С одной стороны, неловкость. Неловкость за суд, за такое низкое качество судопроизводства. А с другой стороны, радость. Радость за себя, за свою задокументированную невиновность. Когда приговор основан на предположениях, а суд в своих выводах использует сомнительные допущения — или то, или се, якобы да кабы, — то это должен быть не обвинительный, это должен быть оправдательный приговор.

Поэтому мы обратились в Московский городской суд за справедливостью, за законностью, за правосудием.

Уважаемый суд!

Семь месяцев назад, 14 мая 2025 года, Басманный районный суд города Москвы огласил резолютивную часть приговора и осудил меня на 14 лет, из которых 5 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима и 9 лет лишения права заниматься общественно-политической деятельностью, в том числе деятельностью, связанной с руководством и участием в работе общественных организаций, объединений и движений.

Я на себе ощутил, каково оказаться в положении осужденного на 14 лет человека за преступление, которого не было. Вместе с тем это позволило участвовать в уголовном процессе и примерить на себя самые разные статусы: задержанного,

досматриваемого, дактилоскопируемого, допрашиваемого, цензурируемого, конвоируемого, подозреваемого, обвиняемого, заключенного, этапируемого, осужденного, подзащитного. А прямо сейчас примеряю на себя статус апеллянта.

Поделюсь самыми яркими впечатлениями о суде первой инстанции. Страшный вывод, к которому я пришел и от которого буквально чешутся нервы, заключается в том, что стандарты доказывания в уголовном процессе на практике оказались на порядок ниже, чем в гражданском. Это неприемлемо.

Работа судьи представляла собой перегруженный конвейер из десятков дел в ее производстве. Суд явно экономил процессуальное время вместо того, чтобы рассмотреть дело всесторонне и объективно. Например, требование к стороне защиты заявлять все ходатайства скопом без их индивидуального рассмотрения привело к тому, что отказ в их удовлетворении был пакетный, с одной немотивированной формулировкой. Это превратило процедуру рассмотрения ходатайств в фикцию.

В итоге рассмотрение дела прошло поверхностно и приобрело обвинительный уклон, что нашло свое отражение в приговоре. Из его текста видно, что суд не разобрался даже с базовыми обстоятельствами дела: ни с подсудностью, ни с мотивом, ни с местом, ни со временем совершения этого сфабрикованного преступления. Стоит ли говорить, что суд не смог разобраться в главном — существе обвинения. В чем конкретно выражались мои преступные действия по организации деятельности «нежелательной» организации?

Поэтому в приговор дословно было скопировано обвинительное заключение со всеми его ляпами, ошибками, подтасовками и противоречиями материалам дела. А то немногое, что не скопировано из обвинительного заключения, либо бездумно надергано из чужих приговоров, либо содержит непрофессиональные оценки.

Чтобы не быть голословным и продемонстрировать катастрофически низкий уровень судопроизводства, с которым мы столкнулись, приведу лишь несколько примеров из приговора.

Все обвинение строится на том, что движение «Голос» является именно структурным подразделением, составной частью организации *ENEMO* (Европейская сеть организаций по наблюдению за выборами), деятельность которой признана нежелательной в России. То есть движение должно быть создано и управляться такой организацией, чего никогда не было. Но суд официально расписался в том, что не смог этого установить. В выводах приговора суд ограничился лишь предположением, что движение

«Голос» является или структурным подразделением, или партнером *ENEMO*. Ключевое слово здесь — «или». Но по закону приговор не может быть основан на таких предположениях. Партнер и структурное подразделение — это два абсолютно разных юридических статуса.

Еще одно предположение суда впечатляет не меньше. Привожу цитату из приговора: «Суд обращает внимание и на зарубежные финансирование: *ENEMO* и движение "Голос" якобы поддерживаются американскими и европейскими организациями». Ключевое здесь — «якобы».

Далее в приговоре суд ссылается на акт экспертного заключения стороны обвинения и утверждает, что эксперты были предупреждены об уголовной ответственности, а само заключение соответствует закону о государственной судебно-экспертной деятельности. Готов закрыть глаза на то, что суду привиделись несколько экспертов, тогда как был лишь один сомнительный эксперт — историк. Но не могу закрыть глаза на то, что, вопреки утверждению суда, эксперт не предупреждался об уголовной ответственности, а его заключение не соответствует закону о государственной судебно-экспертной деятельности и не выдерживает никакой критики.

Стоит ли говорить, что к заключениям экспертов стороны защиты суд отнесся максимально предвзято.

Теперь о моем допросе в суде, который длился полтора часа. Я приводил доказательства того, что российское движение «Голос» ни юридически, ни фактически не могло быть и

не было никаким структурным подразделением международной организации. Но суд не стал тратить время на включение этих показаний в приговор, а вместо них скопировал часть текста из обвинительного заключения с моими сокращенными показаниями на предварительном следствии в изложении следователя.

Приведу и другие примеры судебного плагиата. В нескольких абзацах приговора суд подтверждает законность вещественных доказательств, которые, по его мнению, были осмотрены в ходе следствия и оформлены постановлением следователя. Но в моем деле никогда не было ни одного вещественного доказательства. Получается, что суд при вынесении приговора опирался на несуществующие вещественные доказательства. Дошло до того, что в моем приговоре суд назначил в качестве наказания исправительную колонию общего режима не мне, а другому человеку — некоему Огневу. Как раз в прошлом году судья выносила приговор человеку с такой фамилией по другому делу.

И что мы имеем в сухом остатке в приговоре под словами: «Именем Российской Федерации»? Сфабрикованное обвинение, бракованный приговор и суровое наказание невиновному человеку.

Дорогие друзья!

В Конституции России сформулирована наша национальная идея и заложен фундамент нашего государства. Закреплено, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность

законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Для меня это не пустые слова, и надеюсь, что для вас тоже.

Концепция прав человека на сегодняшний день — это вершина философской, этической и юридической мысли человечества, это та самая опора, которая дает мне невероятную силу. Она впитала в себя всю боль поколений, которые прошли через войны и массовые убийства, через насилие, боль от зла людей, уничтожавших себе подобных. Но концепция прав человека была бы невозможна и без учений о добре — от Аристотеля и Христа до Канта и Толстого, без восхитительных примеров взлета человеческого духа: «Оды к радости» Бетховена, картин Пикассо, научных прозрений Эйнштейна, инженерных достижений Королева.

Но, к сожалению, и сегодня есть немало тех, кто цинично относится к правам человека как к чемодану без ручки: нести тяжело и бросить жалко. Для них права человека — это пустые, непонятные слова, лишенные какой-либо ценности. Это тревожно, так как в итоге приводит к трагическим последствиям.

Свидетели момента рождения ребенка становятся и свидетелями рождения прав и свобод этого еще совсем маленького человека. Сегодня же мы можем стать свидетелями события противоположного рода. Если апелляционный суд оставит наказание в виде лишения свободы, то после оглашения судьей этого решения приговор немедленно вступит в законную силу, и мы станем свидетелями момента лишения меня личных, политических, социальных,

экономических и культурных конституционных прав.

Посудите сами[2]: на период заключения я лишаюсь не только права на свободу и личную неприкосновенность, но и права на неприкосновенность частной жизни, права на личную и семейную тайну, лишаюсь права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, лишаюсь права на неприкосновенность жилища, лишаюсь права свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, лишаюсь права свободно выезжать за пределы России и беспрепятственно возвращаться, лишаюсь права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, лишаюсь права на объединение, включая право создавать и состоять в профессиональных союзах для защиты своих интересов, лишаюсь права собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование, лишаюсь права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, лишаюсь права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, лишаюсь свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, лишаюсь права на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, лишаюсь права участвовать в управлении

делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

В Конституции содержится свыше 40 конкретных прав и свобод. Они — неотъемлемая часть каждого из нас. Возможно ли забрать у нас эти права? В правовом государстве это возможно, но в отношении далеко не всех прав и с соблюдением строгой процедуры. Лишение гражданина того или иного права должно быть оправданным и требует деликатного отношения.

Два десятилетия я занимаюсь защитой избирательных прав, и поэтому особо изощренным наказанием в моем случае является лишение меня права избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления, а также участвовать в референдумах. Впервые в жизни одним махом я могу лишиться сразу девяти голосов на выборах депутатов Госдумы, Мособлдумы и горсовета Химок в сентябре 2026 года. И, конечно, я не смогу наблюдать на этих выборах, а ведь это тоже важная часть избирательных прав.

Как же я завидую тем, кто все еще может прийти на избирательные участки и не только проголосовать, но и проконтролировать, что их голос учтен верно!

Если водить пенопластом по стеклу, то можно почувствовать, как во мне отзываются все эти запреты.

Много раз сокамерники с доброй улыбкой констатировали, что мне нравится в тюрьме — а мне в тюрьме совсем не нравится. Я лишь стараюсь

радоваться жизни везде, где нахожусь, и стараюсь формировать вокруг позитивную среду.

В тюрьму может попасть каждый. За время заключения я повстречал сотни самых разных людей: строителей, музыкантов, банкиров, водителей, чиновников, правозащитников, военных, ученых, мэров, преподавателей, инженеров, школьников, риелторов, механиков, студентов, депутатов, журналистов, сварщиков, предпринимателей, машинистов, топ-менеджеров, поваров, священников и даже серийных фальсификаторов выборов, которые, впрочем, сидят не за это. И теперь могу представить любого человека, как он будет сидеть в тюрьме. Виновного или невинного, богатого или бедного, сильного или слабого. Как его впервые заковывают в наручники, как проводят личный досмотр, как складываются взаимоотношения с сокамерниками, как психика реагирует на ограничения свободы и состояние беспомощности, как его организм реагирует на баланду, как он приспосабливается к душу один раз в неделю, как пытается получить медпомощь, как скучает и переживает за родных, как реагирует на информационный вакуум и как проявляются другие ощущения и тяготы заключения.

Один мой сокамерник любил говорить, что «тюрьма не хурма». Да, не хурма. Ученые тоже утверждают, что с точки зрения общих условий человеческой жизни наказание как лишение или ограничение благ или прав является страданием, безотносительно к тому, как смотрит на него и ощущает его наказываемый. Этих страданий за историю России, богатую на

тюрьмы, лагеря и репрессии, наш народ нахлебался с лихвой.

Каждый заключенный думает о том, как сложится его судьба после освобождения. Всегда хочется верить в лучшее, но не стоит забывать про большое количество предрассудков, ограничений и запретов, которые ждут судимого человека на свободе.

Например, тяжкая статья, по которой меня обвиняют, влечет многочисленные автоматические запреты после отбывания наказания. Начиная от пожизненного запрета на педагогическую деятельность и 18-летнего поражения в пассивном избирательном праве, заканчивая запретом на многие юридические профессии.

В моем случае в приговоре содержится еще и дополнительный запрет на занятие общественно-политической деятельностью в целом на протяжении девяти лет после освобождения. Что это значит — я не знаю, поскольку понятие общественно-политической деятельности в действующем законодательстве не урегулировано, его нет ни в Конституции, ни в других правовых актах. Мне не понятно, где грань между общественной и общественно-политической деятельностью.

Не понятно, могу ли я после освобождения быть членом профсоюза, стать волонтером в благотворительном фонде или членом совета многоквартирного дома, где живу, могу ли участвовать в публичных слушаниях в своем муниципалитете, выступать на них, выражать свое

личное мнение по вопросу, выносимому на местный, региональный или федеральный референдум и так далее.

Не стоит забывать, что не только заключенные, но и их семьи вынуждены проходить большие испытания, и моя семья не исключение. Поэтому прошу прощения у родных за то, что из-за меня, хотя и не по моей вине, вам выпали эти переживания, долгая разлука. И прежде всего прошу прощения у моей любимой мамы.

Я чувствую опасения близких, что тюрьма может негативно на мне отразиться, как, впрочем, на любом человеке, попавшем в нашу систему исполнения наказаний. Их опасения не беспочвенны — тюрьма действительно накладывает свой отпечаток, и моя жизнь после нескольких лет изоляции от общества уже не будет прежней. Но это не повод для уныния.

Всем, кто обо мне беспокоится, хочу пообещать, что после тюрьмы моя жизнь будет более радостной. В ней найдется больше места для общения с близкими, для творчества, для путешествий, для помощи людям. Я в этом уверен, потому что будущее каждого из нас зависит от нашего состояния сейчас, и если вы счастливый человек, то умеете сомнения превращать в волю, слабость — в силу, а испытания — в увлекательные приключения.

Каждый из нас может сделать много доброго, если поверит в свои силы и начнет тратить энергию и время не на сомнения и переживания, а на действия. Нет судьбы, кроме той, которую мы выбираем своими поступками.

На стене прогулочного дворика СИЗО кто-то написал: «Быть добру». Эти два простых на первый взгляд слова в нужный момент поддержали мой жизненный настрой: относиться к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе, и из всех вариантов решения проблем выбирать самый добрый. Быть добрым человеком сложнее, чем злым, но оно того стоит. Доброта — это не слабость, доброта — это сила. Добро приносит радость, дарит любовь, делает счастливым. Поток добра обезоруживает. Добро побеждает.

Спросите себя: добрый ли вы человек? Честный ответ на этот вопрос будете знать только вы. Можно взвесить все за и против и не спешить с ответом, но знать, что подходящий момент, чтобы жить добром и в радости, уже настал. В мире сегодня слишком много зла и мелкой озлобленности, чтобы мириться с этим. Мир добрых, неравнодушных людей — это мир гармонии и мира, мир прав и свобод.

Перемены к лучшему неизбежны, и они грядут. Это естественный ход вещей. Даже в российских СИЗО и колониях ситуация медленно, но все-таки становится лучше. Регулярно снимайте злую накипь с сердца — и мир внутри и вокруг вас будет преображаться на глазах.

В завершение искренне благодарю всех добрых людей за ваше неравнодушие и поддержку, которые нужны каждому человеку на земле, особенно заключенному, и хочу, чтобы вы знали, что добро всегда возвращается.

Благодарю за внимание!

*Редактор: Дмитрий Ткачев*

---

1. Согласно приговору после отбытия срока Мельконьянцу будет запрещено заниматься общественной деятельностью еще 9 лет.
2. Ниже Мельконьянц вольно цитирует главу 2 Конституции России.